

Глава 1

Глядя на молодую особу, явившуюся в его лондонскую резиденцию, Себастьян, виконт Сент-Винсент, вдруг подумал, что, пожалуй, он ошибся с выбором наследницы, которую пытался похитить на прошлой неделе в Стоуни-Кросс-парке.

И хотя до недавних пор похищения не значились в длинном списке его прегрешений, ему следовало быть умнее.

Оглядываясь назад, он понимал, что сделал неудачный выбор, но в тот момент Лилиан Боумен казалась ему идеальным решением его проблем. Лилиан происходила из богатой семьи, тогда как Себастьян, хоть и обладал титулом, испытывал финансовые затруднения. К тому же ее смуглая красота и бешеный темперамент сулили немало радостей в постели. И все же ему следовало выбрать куда менее энергичную жертву. Очаровательная наследница из Америки так отчаянно сопротивлялась, что в конечном итоге была спасена своим женихом, лордом Уэстклиффом.

Робкое создание, стоявшее сейчас перед ним, отличалось от Лилиан Боумен как небо от земли. Созерцая свою гостью с легким презрением, Себастьян перебирал в уме то немногое, что слышал об Эванджелине

Дженнер. Она была единственной дочерью Айво Дженнера, владельца известного лондонского игорного клуба, и женщины из общества, которая имела несчастье сбежать с ним — лишь для того, чтобы вскоре осознать свою ошибку. Хотя мать Эванджелины происходила из приличной семьи, отец ее был немногим лучше подзаборного бродяги. Несмотря на столь незавидную родословную, Эванджелина могла бы сделать вполне приличную партию, если бы не болезненная застенчивость, заставлявшая ее мучительно заикаться.

Приятели Себастьяна мрачно шутили, что скорее согласились бы носить власяницу, чем вести беседы с Эванджелиной Дженнер. Естественно, Себастьян старался избегать ее по мере возможности. Впрочем, это не представляло труда. Робкая мисс Дженнер предпочитала прятаться по углам. За все время они не обменялись и словом — надо полагать, к обоюдному удовольствию.

Однако теперь он попался. По какой-то неведомой причине мисс Дженнер явилась в его дом без приглашения, причем в скандально поздний час. И, что делало ситуацию еще более пикантной, явилась без сопровождения — а ведь одной минуты наедине с ним вполне достаточно, чтобы погубить репутацию любой девушки. Себастьян вел непутевый образ жизни и гордился этим, упиваясь славой бессовестного соблазнителя, придававшей ему особый шарм в глазах молодых повес.

Откинувшись в кресле, он с обманчивой праздностью наблюдал за незваной гостьей, которая неуверенно проследовала в комнату и остановилась. В библиотеке царил полумрак, лишь язычки пламени, игравшие в ка-

мине, бросали слабые отблески на лицо девушки. На вид ей было не больше двадцати; свежий цвет ее лица и невинный взгляд вызвали у Себастьяна привычное раздражение. Его никогда не привлекала и не умиляла невинность.

Хотя долг джентльмена требовал, чтобы он поднялся со стула, Себастьян, учитывая все обстоятельства, не счит нужным рассыпаться в любезностях. Вместо этого он небрежно указал на кресло, стоявшее у камина.

— Можете присесть, если пожелаете, — сказал он. — Хотя на вашем месте я не стал бы задерживаться здесь надолго. Я ненавижу скуку, а вас едва ли можно назвать занимательной собеседницей.

Эванджелина даже не поморщилась от такой грубости, и Себастьян не мог не задаться вопросом, что за воспитание сделало ее столь невосприимчивой к хамству, от которого любая другая девица залилась бы краской или ударилась в слезы. Либо она на редкость тупа, либо обладает исключительной выдержкой.

Эванджелина сняла плащ, перебросила его через подлокотник обтянутого бархатом кресла и села, пригнупившись на краешке сиденья. Наблюдая за ее движениями, лишенными всякого кокетства, Себастьян вспомнил, что она водила дружбу не только с Лилиан Боумен, но и с ее младшей сестрой Дейзи, а также с Аннабеллой Хант. Все они не пользовались успехом у противоположного пола и, видимо, по этой причине сбились в стайку, подпиравшую стенку на бесчисленных балах и вечеринках весь прошлый сезон. Однако удача, похоже, повернулась к ним лицом: Аннабелле наконец-то удалось заполучить мужа, а Лилиан вот-

вот должна была обвенчаться с лордом Уэстклиффом. Впрочем, вряд ли их везение распространится на это запуганное создание.

Он подавил искушение поинтересоваться целью ее визита, опасаясь, что это вызовет поток косноязычных объяснений, мучительных для них обоих, и терпеливо ждал, пока Эванджелина Дженнер соберется с мыслями. Молчание затянулось, и Себастьян с некоторым удивлением осознал, что девушка недурна собой. Поскольку он избегал смотреть на нее в упор, в его памяти сложился образ растрепанной особы с рыжими волосами и плохой осанкой. Однако при ближайшем рассмотрении она оказалась очень хорошенькой.

Себастьян вдруг ощутил легкое напряжение мышц и холодок, заставивший приподняться крохотные волоски на затылке. Несмотря на расслабленную позу, кончики его пальцев впились в мягкие подлокотники кресла. Странно, он никогда не замечал того, что явно заслуживало внимания. В свете пламени ее рыжие волосы — самого восхитительного оттенка, какой ему приходилось видеть, — казалось, излучали жар. У нее были изящные дуги бровей, густые ресницы, чуть более темные, чем волосы, и нежный цвет лица, какой бывает только у рыжих: белоснежный, с легкой россыпью веснушек. Себастьяна позабавили эти золотистые крапинки, усеявшие ее нос и щеки, словно по капризу доброй феи. Картину довершали пухлые розовые губки и большие голубые глаза... прелестные, но лишенные всяких эмоций, как у куклы.

— Я п-получила известие, что моя подруга, мисс Боумен, сочеталась браком с лордом Уэстклиффом, —

осторожно заметила Эванджелина. — Они с графом отправились в Гретна-Грин после того, как он... объяснился с вами.

— Точнее сказать, отделал меня до полусмерти, — любезно отозвался Себастьян, понимая, что она не могла не заметить синяков и ссадин, украсивших его челюсть после того, как Уэстклифф выместил на нем свое праведное негодование. — Похоже, ему не понравилось, что я одолжил его невесту.

— Вы п-похитили ее, — спокойно возразила Эванджелина. — «Одолжил» предполагает, что вы собирались вернуть ее назад.

Губы Себастьяна изогнулись в искренней улыбке — первой за долгое время. Не такая уж она дурочка, как ему казалось:

— Пусть так, если вы предпочитаете называть вещи своими именами. Вы за этим пришли, мисс Дженнер? Сообщить мне о счастливой паре? Напрасно. Мне надоела эта тема. Если я не услышу ничего более интересного в ближайшее время, боюсь, вам придется уйти.

— Вы в-выбрали мисс Боумен, потому что она богатая наследница, — сказала Эванджелина. — Насколько я понимаю, вам необходимо жениться на ком-то с деньгами.

— Верно, — с легкостью признал Себастьян. — Моему отцу не удалось выполнить свою единственную обязанность — сохранить в целостности семейное состояние, чтобы передать его мне вместе с герцогским титулом. А моя главная обязанность — праздно проводить время, ожидая его смерти. Я честно выполнил свою часть сделки — в отличие от герцога. Он не справился с управ-

лением семейными финансами, в настоящий момент непростительно беден и, что еще хуже, здоров.

— Мой отец богат, — сообщила Эванджелина без всякого выражения. — И он умирает.

— Примите мои поздравления, — отозвался Себастьян, устремив на нее пристальный взгляд. Он не сомневался, что Айво Дженнер обладает внушительным состоянием. Его игорный клуб был популярен среди лондонских джентльменов благодаря хорошей еде, крепкой выпивке и недорогим шлюхам. Лет двадцать назад заведение Дженнера служило второразрядной альтернативой легендарному клубу Крейвена, самому великолепному и успешному предприятию такого сорта, когда-либо существовавшему в Англии.

Однако когда клуб Крейвена сгорел дотла, а его владелец не пожелал начинать все заново, Дженнер унаследовал богатых клиентов своего предшественника и сумел занять освободившуюся нишу. Не то чтобы он мог сравниться с Крейвенем. Клуб Дженнера являлся отражением характера и стиля своего хозяина, бывшего боксера, невежественного и грубоватого. Если Дерек Крейвен был, по общему признанию, незаурядной личностью и блестящим администратором, Айво Дженнер никогда не отличался талантами и лишь благодаря причуде судьбы стал успешным бизнесменом.

И вот теперь его единственная дочь сидит перед ним. И если она собирается сделать ему предложение — Себастьян догадывался, какое именно, — он не может позволить себе отказаться.

— Я не нуждаюсь в ваших поздравлениях, — уронила Эванджелина в ответ на его реплику.

— Что же в таком случае вам нужно, милочка? — вкрадчиво осведомился он. — Я буду очень признателен, если вы перестанете ходить вокруг да около. Это становится утомительным.

— Я хочу провести с отцом остаток его д-дней. Родственники моей матери всячески препятствуют нашим встречам. Я пыталась сбежать к нему, но они неизменно ловят меня и подвергают наказаниям. Как бы то ни было, я больше не вернусь к ним. У них есть планы относительно меня, которые я твердо намерена разрушить — пусть даже ценой собственной жизни.

— И каковы же эти планы? — лениво поинтересовался Себастьян.

— Они пытаются принудить меня к браку с одним из моих кузенов, с мистером Юстасом Стаббинзом. Он не испытывает ко мне никаких чувств, как и я к нему, но он охотно согласится сыграть роль пешки в семейной игре.

— Где ставкой является состояние вашего отца, которое вы унаследуете после его смерти?

— Да. Вначале я готова была смириться с этой идеей, полагая, что у нас с мистером Стаббинзом будет собственный дом... и жизнь станет не такой невыносимой, если мы будем жить отдельно от родни. Но мистер Стаббинз заявил, что не имеет ни малейшего желания куда-либо переезжать. Он намерен остаться под семейной крышей... а я не уверена, что смогу жить там и дальше. — Не дождавшись никакой реакции, кроме равнодушного молчания, Эванджелина тихо добавила: — Мне кажется, они собираются убить меня, после того как завладеют папиными деньгами.

Себастьян не сводил глаз с ее лица, хотя его тон оставался небрежным.

— Как нехорошо с их стороны. Но при чем здесь я?

Эванджелина не клюнула на подначку, одарив его твердым взглядом, свидетельствовавшим о внутренней силе, которой Себастьян никогда прежде не встречал у женщин.

— Я предлагаю вам жениться на мне, — заявила она. — Мне нужна защита. Отец слишком болен, чтобы помочь мне, и я не хочу быть обузой для своих друзей. Думаю, они предложили бы мне поддержку, но даже в этом случае мне пришлось бы постоянно быть настороже, опасаясь, что меня выкрадут родственники и заставят подчиниться их воле. У незамужней женщины нет никаких прав, ни общественных, ни законных. Это несправедливо... но что толку сетовать. Мне нужен муж. Вам нужна богатая жена. Мы оба в одинаково отчаянном положении. Это позволяет мне думать, что вы согласитесь с моим предложением. Если я права, мы могли бы отправиться в Гретна-Грин сегодня же вечером. Мои родственники наверняка уже ищут меня.

Повисло тягостное молчание. Себастьян размышлял, не сводя с Эванджелины настороженного взгляда. Он не доверял ей. После неудачной попытки похищения, предпринятой им на прошлой неделе, он не испытывал особого желания повторить этот опыт.

И все же в ее словах был смысл. Себастьян действительно пребывал в отчаянии. Полчища кредиторов могли засвидетельствовать, что он имеет пристрастие к модной одежде, изысканной еде и прочим радостям

жизни. Жалкое содержание, которое он ежемесячно получал от герцога, должно было в ближайшее время прекратиться, а у него не было денег даже для того, чтобы расплатиться по счетам за прошлый месяц. Для человека, который привык брать все, что идет в руки, не терзаясь угрызениями совести, предложение Эванджелины было воистину Божьим даром. При условии, что она намерена претворить его в жизнь.

— Не хотелось бы показаться чересчур меркантильным, — небрежно произнес он, — но насколько ваш отец близок к смерти? Некоторые чудаки годами лежат на смертном одре. По-моему, нет ничего хуже, чем заставлять людей ждать.

— Вам не придется долго ждать, — последовал резкий ответ. — Мне сказали, что он проживет не более двух недель.

— А каковы гарантии того, что вы не передумаете, прежде чем мы доберемся до Гретна-Грин? Вам известно, что я за человек, мисс Дженнер. Думаю, нет нужды напоминать, что я — не далее как на прошлой неделе — чуть не похитил и не изнасиловал одну из ваших подруг.

Эванджелина молча уставилась на него. В отличие от его глаз, которые были светло-голубыми, ее глаза имели насыщенный сапфировый оттенок.

— Вы пытались изнасиловать Лилиан? — осведомилась она натянутым тоном.

— Я пригрозил ей этим.

— И вы осуществили бы свою угрозу?

— Не знаю. Мне не приходилось делать этого прежде, но, как вы справедливо заметили, я попал в от-

чаянное положение. Кстати, раз мы уж затронули эту тему... вы предлагаете брак по расчету или готовы разделить со мной супружеское ложе?

Эванджелина пропустила вопрос мимо ушей, настойчиво повторив:

— Вы стали бы принуждать ее силой?

Себастьян иронически улыбнулся:

— Если я отвечу отрицательно, мисс Дженнер, как вы узнаете, что я не солгал? Впрочем, если вы настаиваете... Нет. Я не стал бы насиловать ее. Надеюсь, теперь вам спокойнее. Что же касается моего вопроса...

— Я лягу с вами в постель. Один раз, — сказала она, — чтобы узаконить брак. И больше никогда.

— Чудно, — проворковал он. — Я редко ложусь в постель с одной и той же женщиной более одного раза. Чертовски скучное занятие после того, как проходит новизна ощущений. К тому же я не настолько вульгарен, чтобы воцелеть собственную жену, особенно если у меня хватит средств содержать любовниц. Конечно, остается вопрос о наследнике... но, если вы будете соблюдать осмотрительность, я не стану интересоваться, чьих детей вы вынашиваете.

Эванджелина даже глазом не моргнула:

— Я хотела бы, чтобы часть наследства была переведена в трастовый фонд на мое имя. И чтобы я могла расходовать проценты по своему усмотрению, не отчитываясь перед вами за свои траты.

Себастьян в очередной раз убедился, что девушка совсем не глупа, хотя заикание заставляло многих думать иначе. Привыкнув к тому, что ее не понимают, недооценивают и не замечают, она, похоже, научилась

использовать этот факт к собственной выгоде. Себастьян насторожился:

— С моей стороны было бы глупо довериться вам, — заявил он. — Что мешает вам нарушить наш уговор в любой момент? А вы поступите еще глупее, доверившись мне. Когда мы поженимся, я могу доставить вам такие неприятности, о которых ваши предприимчивые родственники даже не мечтали.

— Я предпочла бы терпеть их от того, кого сама выберу, — мрачно отозвалась Эванджелина. — Лучше вы, чем Юстас.

Себастьян ухмыльнулся:

— Вряд ли это можно считать комплиментом Юстасу.

Она не ответила на его улыбку, лишь немного расслабилась в кресле, глядя на мужчину с угрюмым смирением. Их взгляды скрестились, и Себастьяна внезапно пронзила дрожь с головы до кончиков пальцев ног.

В том что он легко возбуждается, не было ничего нового. Себастьян давно понял, что у него сильно развито мужское начало и некоторые женщины способны вызвать в нем чувственный отклик поразительной силы. По какой-то неведомой причине эта стеснительная заикающаяся особа оказалась одной из них.

Волнующие образы заполнили его сознание... Ему хотелось вдохнуть ее запах, дотронуться кончиками пальцев до нежной кожи, ощутить щекочущее прикосновение ее распущенных волос к своей обнаженной груди. Ему хотелось делать немислимые вещи с ее губами и собственным ртом.

— Значит, решено, — вымолвил он. — Я принимаю ваше предложение. Разумеется, многое еще нужно

обсудить, но у нас в запасе два дня, пока мы будем добираться до Гретна-Грин. — Себастьян поднялся со своего кресла и потянулся, с едва заметной улыбкой отметив, как ее взгляд скользнул по его телу. — Я распорядюсь, чтобы подготовили карету, и велю камердинеру упаковать мои вещи. Думаю, это займет не больше часа. Кстати, если вам взбредет в голову отказаться от нашей сделки после того, как мы двинемся в путь, я вас придушу.

Она одарила его ироничным взглядом:

— Вы бы т-так не нервничали, если бы не пытались увлечь по этому маршруту возражающую жертву на п-прошлой неделе.

— Туше. В таком случае могу я считать вас невозражающей жертвой?

— Более того, страстно желающей, — ответила Эванджелина с таким видом, словно ей не терпится пуститься в путь.

— Что ж, мне это нравится, — заметил Себастьян, отвесив галантный поклон, прежде чем выйти из библиотеки.

Глава 2

Оставшись одна, Эви закрыла глаза и судорожно вздохнула. Сент-Винсент напрасно волнуется, что она передумает. Теперь, когда сделка заключена, ей в тысячу раз сильнее, чем ему, хотелось поскорее попасть в Гретна-Грин. При одной мысли, что в этот самый момент дядя Брук и дядя Перегрин ищут ее по всему Лондону, она содрогнулась от ужаса.

В конце лета, когда она сбежала из дома, они перехватили ее у входа в клуб отца. К тому времени, когда карета дяди Перегринна доставила ее домой, ее разбитые губы кровоточили, один глаз заплыл, спина и руки были покрыты синяками. Две последующие недели она провела взаперти в своей комнате на хлебе и воде.

Никто, даже ее подруги Аннабелла, Лилиан и Дейзи, не знал до конца, что ей пришлось вынести. Жизнь в доме Мейбриков была сущим кошмаром. Мейбрики, родня ее матери, и Стаббинзы — сестра ее матери Флоренс с мужем Перегрином — объединили свои усилия, желая сломить ее волю. Спротивление, с которым им пришлось столкнуться, приводило их в ярость и замешательство. Эви и сама не ожидала, что сможет вынести жестокое обращение, безразличие и даже ненависть, не сломавшись. Возможно, в ней было больше от отца, чем всем казалось. Айво Дженнер был боксером, который дрался голыми кулаками, и секрет его успеха — на ринге и за его пределами — заключался не в таланте, а в стойкости и упрямстве. Должно быть, она унаследовала эти качества.

Эви хотела увидеть отца. Хотела так сильно, что это причиняло ей почти физическую боль. Он был единственным человеком на свете, которого интересовала ее судьба. Возможно, он не баловал ее своим вниманием, но она знала, что он испытывает к ней больше чувств, чем кто-либо другой. Она понимала, почему он поручил ее заботам Мейбриков вскоре после смерти матери. Игорный клуб был не тем местом, где можно растить ребенка. А Мейбрики, хоть и не обладали титулом, относились к благородному сословию. Тем не